

В. Г. Минина

**ОБРАЗЫ ВОЙНЫ В РОМАНЕ К. АТКИНСОН «ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ»
В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА**

Одной из магистральных тем романа современной британской писательницы Кейт Аткинсон (р. 1951) «Жизнь после жизни» («Life after life», 2013) является тема войны; его переводчиком стала Е. С. Петрова, член Санкт-Петербургского отделения Союза переводчиков России. В романе повествуется о двух мировых войнах, прокатившихся в прошлом столетии по европейскому континенту. И если о Первой мировой автор говорит несколько вскользь и опосредованно, то Вторая мировая война красной нитью проходит через судьбы героев романа. Автор также создает панораму предвоенной, прямо пасторальной жизни в Британии, а также Германии, в которой толпы молодежи с благоговением приветствуют Гитлера, позднее описывает разрушенный непрекращающимися бомбежками Лондон в начале войны и руины Берлина в ее конце. Таким образом, Вторая мировая война изображается автором в основном через описание блицкрига – бомбежек Лондона, разрушенных в их результате зданий, спасательных отрядов, разбирающих завалы:

Оригинал	Перевод
<i>If there had been no noise it might have seemed a beautiful nightscape but there was noise, brutish dissonance that sounded as if someone had thrown open the gates of hell and let out the howling of the damned.</i>	<i>Если бы не грохот, все это могло бы показаться живописным ночным празднеством, но грохот был такой, будто разверзлись врата ада и выпустили наружу вопли всех проклятых на муки вечные.</i>

Слово *noise* переводчица заменила словом с более конкретным значением *грохот*, которое оправдано контекстом. В переводе не сохранено графическое и смысловое выделение глагола *was* – тут переводчица убирает эмфазу (*грохот был такой, что*). Интересен также вариант, в котором происходит замена подлежащего – если в английском языке есть безличное местоимение *someone* (*someone had thrown open the gates*), и тут читатель может сам попробовать заменить местоимение тем агентом действия, которого он считает ответственным за происходящее (враги, немцы, Гитлер), то в русском языке мы видим более привычную для языка фразу *разверзлись врата ада*, в которой возвратный глагол не предполагает агента действия.

Рисуя ужасы бомбежки глазами героини, К. Аткинсон показывает, как то, где еще минуту назад была налаженная жизнь, семейные радости, уютный быт, превращается в груды обломков и пыли. Ухо отказывается воспринимать новые звуки, и в первые секунды происходит обман слуха, когда вместо звука падающего здания, кажется, что сходит лавина в горах:

Оригинал	Перевод
<i>The ground shook <...>She heard something shifting and a noise like displaced scree rattling and rolling down a mountain, the harbinger of an avalanche. Rubble, not scree. And a mound of it, not a mountain. The rubble that comprised the mound was all that was left of a house, or rather, several houses all ground and mashed into each other now.</i>	<i>Земля содрогнулась, <...> Урсула почувствовала, как что-то сдвигается с места, и слышала скрежет, напоминающий падение гравия в преддверии схода горной лавины. Но это посыпались обломки, а не гравий. Снаружи высилась не гора, а безобразная грудa – все, что осталось от частного дома, точнее, от нескольких, которые теперь оказались перемолоты и вдавлены один в другой.</i>

В данном примере слову *noise* переводчица предлагает уже иную контекстуальную конкретизацию *скрежет*. В русском переводе не удалось сохранить аллитерацию английских прилагательных *rattling and rolling*, чья цель как раз и заключалась в передаче звукового ряда, сопровождающего бомбежку. Но пример второй аллитерации *mound of it, not a mountain* создатель русского текста удачно передает – *не гора, а безобразная грудa*. Идущие друг за другом односоставные предложения *Rubble, not scree, And a mound of it, not a mountain* в русском языке заменены на двусоставные – *Но это посыпались обломки, а не гравий, Снаружи высилась не гора,*

a безобразная груда – из-за чего утрачивается эффект ритмичности, к тому же переводчица изменила структуру второго предложения, которая в английском языке идентична в обоих случаях и еще больше усиливает ритмичность, словно от разрывающихся вокруг бомб. Наблюдается в данном примере и объединение предложений, что нам кажется не вполне оправданным, т.к. это приводит к утрате оригинального эффекта рубленых фраз, напоминающих грохот от взрывов.

В следующих микроконтекстах автор описывает, как начиналась бомбежка:

Оригинал	Перевод
<i>There was always a second before the siren started when she was aware of a sound as yet unheard. It was like an echo, or rather the opposite of an echo. An echo came afterwards, but was there a word for what came before?</i>	<i>За секунду до сирены она всегда улавливала какой-то неслышимый звук. Подобный эху, только летящий в обратную сторону. Эхо бывает потом, а как назвать то, что бывает прежде?</i>

В данном случае переводчица прибегает к перестановке в первом предложении, обусловленной соблюдением тема-рематических отношений. Сказуемому *was aware* подобрана контекстуальная конкретизация *улавливала*. Удачным получился перевод второго предложения (*It was like an echo, or rather the opposite of an echo* – *Подобный эху, только летящий в обратную сторону*), которое в русском языке, благодаря неполной и парцеллированной структуре, кажется словно передает летящий в воздухе звук, для этого, правда, переводчица переосмыслила часть английского предложения (*or rather the opposite of an echo*), предложив несколько иную его трактовку – *только летящий в обратную сторону*. В последнем предложении вместо английского прошедшего времени в русском языке настоящее, что делает смысл высказывания более универсальным, а не отнесенным к конкретному эпизоду в прошлом. Фразе *was there a word for* подобрана замена с использованием другой части речи *как назвать*.

Оригинал	Перевод
<i>She heard the whine of a plane overhead and the bang-bang-bang-bang of the first bombs dropping and she was about to replace the blackout and make a run for the cellar when she noticed a dog cowering in a doorway opposite – almost as if she'd wished it into existence. Even from where she was, she could sense its terror. She hesitated for a second and then thought, oh, damn, and raced down the stairs.</i>	<i>Заслышав рев самолета и частые разрывы первых падающих бомб, Урсула собралась задернуть шторы и бежать в подвал, но тут заметила собаку, которая съежилась от страха в дверном проеме дома напротив, – собаку, будто возникшую по ее, Урсулы, недавнему хотению. До той было далеко, но Урсула ощутила всю меру собачьего ужаса. После короткого раздумья она сказала себе: да пошло оно все к черту – и помчалась вниз по лестнице.</i>

В данном эпизоде первая часть сложносочиненного предложения заменена деепричастным оборотом (*She heard the whine of a plane – Заслышав рев самолета*). К сожалению английскому *bang-bang-bang-bang-bang*, которое в тесте выделено графически, курсивом, в русском тексте не было найдено соответствие, из-за этого несколько снижается эмоциональное воздействие, созданное повторением слова-ономатопеи. Фраза *Even from where she was* переосмыслена и переведена с использованием добавления *далеко – До той было далеко*. Вполне удачным нам кажется использование добавления (*всю меру*) при переводе предложения *she could sense its terror – Урсула ощутила всю меру собачьего ужаса*, к тому же переводчица заменила местоимения существительным и прилагательным (*she, its – Урсула, собачьего*), что сделало эту мини-сцену более персонифицированной. В предложении *She hesitated for a second and then thought* автор русского текста прибегает к опущению глагола *hesitated* и конверсии (*thought*, гл. – *раздумье, сущ.*).

Вот пример того, как автор рисует картины ночного Лондона, охваченного огнем, погрузившегося в дым, копоть и пыль:

Оригинал	Перевод
<i>It was incredibly noisy on the street. She could hear incendiaries clattering down on a roof nearby, sounding like a giant coal scuttle being emptied. The sky was alight. A chandelier flare fell, as graceful as fireworks, illuminating everything below.</i>	<i>Снаружи стоял невыносимый грохот. На крышу одного из ближайших домов с лязгом сыпались зажигалки, словно из гигантского угольного лотка. Небо горело заревом. Осветительные бомбы вспыхивали над городом, как фейерверк.</i>

В данном случае переводчица использует прием конверсии, заменяя прилагательное *noisy* существительным *грохот*. Она опускает фразу *She could hear*, что может быть оправдано контекстом. Также здесь есть пример смыслового развития, когда сказуемое *was alight* переводится сказуемым с дополнением *горело заревом*. В последнем предложении использована перестановка, местоимение *everything* передано существительным *город* (конкретизация). К сожалению в переводе не сохранено авторское сравнение *as graceful as*, которое в английском тексте играет роль своеобразного оксюморона, когда К. Аткинсон для усиления ужаса от происходящего и одновременно некоего благоговения сравнивает бомбежку именно с изящным фейерверком.

Подводя итоги, стоит сказать, что проанализированный текст перевода нам кажется адекватным, эквивалентным и вполне удачным. Основными переводческими решениями для передачи военной образности стали конкретизация, генерализация, конверсия, опущение, изменение синтаксической структуры, в некоторых случаях антонимический перевод.